

ЛОРЕН АЛЛЕН-КАРОН
В СОВАВТОРСТВЕ С ПАТРИКОМ ДЕ СИНЕТИ

ТАЙНА
ПО ИМЕНИ
ЛАГЕРФЕЛЬД

ОДРИ®

Москва 2024

УДК 687.1(092)
ББК 85.126(3)-8
А50

«Le Mystère Lagerfeld»
by Laurent ALLEN-CARON

© LIBRAIRIE ARTHÈME FAYARD, 2019

Научный редактор — *Наталья Толкунова*, историк моды

А50 Аллен-Карон, Лорен.
Тайна по имени Лагерфельд / Лорен Аллен-Карон ; [перевод с французского И.Ю. Наумовой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 272 с. — (Мода. TRUESTORY).

ISBN 978-5-04-098314-8

Трудное детство с деспотичной матерью, первый модный показ, жизнь в Париже и трагично оборвавшиеся отношения с единственным близким человеком. Карлу Лагерфельду пришлось пройти длинный путь, прежде чем стать легендарным творцом и дизайнером с мировым именем. Но что из его биографии было правдой, а что лишь очередной легендой, придуманной самим кутюрье? Ведь Карл Лагерфельд намеренно превращал свою жизнь в череду загадок и тайн, скрывая даже собственный год рождения. Он всегда держал свою частную жизнь в секрете, и лишь избранное окружение могло догадываться, чем жил модельер, кого любил и что потерял. Лорен Аллен-Карон нашел друзей и близких Карла Лагерфельда, изучил документальные сведения и провел собственное расследование. Теперь каждый может узнать, что на самом деле скрывалось за дорогими костюмами и темными очками великого Мастера.

УДК 687.1(092)
ББК 85.126(3)-8

ISBN 978-5-04-098314-8

© Наумова И.Ю., перевод на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Памяти
Патрика де Синети

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
Покров из страниц	11
В тихом уголке	17
Несносный ребенок	31
Диор в Германии, аромат Парижа	38
Париж — это праздник	42
Ужасные дети	45
Завтраки в отеле «Риц»	56
Фантазии обретают форму	61
Очень скромный юноша	66
Пустьичная новость	71
Дух эпохи	75
Рождение легенды	80
Клан Лагерфельда	85
Карл и Элизабет	92
Избирательные симпатии	97
Кайзер Карл	105

Нужно бежать от призрака	112
Чистое и нечистое	114
Опасные связи	125
Владелец замка	130
Мотылек в вихре бури	137
На закате дня	145
Повадки призрака	150
Парижанка	162
В центре картины	167
Конец эпохи	171
Возвышенная любовь	177
Кутюрье и королева-мать	188
Ледяное светило	193
Преображение	201
Общедоступный денди	212
Один на сцене	220
Не оставляя следа	225
Эпилог	229
<i>Благодарность</i>	232
<i>Примечания</i>	234
<i>Библиографические ссылки</i>	260

ПРЕДИСЛОВИЕ

НЕ ПРОХОДИТ и дня или около того, чтобы его пресс-служба не сообщила о новом сотрудничестве, архитектурном проекте или коллекции. Вот уже более шестидесяти лет Карл Лагерфельд без устали и в лихорадочном ритме подтверждает свой талант дизайнера, всякий раз предлагая публике идеальное воплощение духа времени.

Несравненная прозорливость и способность проживать разные эпохи превратили его в уникального дизайнера, который все успевает, лично рисуя каждую из моделей, в которых после продефилируют манекенщицы среди задуманных, как ларец с драгоценностями, декораций.

Не один лишь мир моды отслеживает малейшие шаги и жесты Карла Лагерфельда. Его аура распространяется далеко за пределы подиумов. Он стал иконой, почти мифом. Служит воплощением целого пласта в истории моды.

Лагерфельд — немец, но именно во Франции он решил стать Карлом, героем, который целиком и полностью сделал себя сам, живым логотипом в черно-серо-белых тонах, прославившимся во всем мире.

Своим успехом он обязан искусству владения собой: жить только настоящим и никогда не оглядываться назад. Равновесие ненадежно, но оно позволяет ему быть современным и при этом вне времени.

За легендой, безусловно, скрывается человек. И его история. Невозможно говорить об одном, не касаясь другого. Узнать Лагерфельда — значит вернуться к истокам головокружительного успеха, не знаящего себе равных. Почувствовать дух тех мест, где он бывал, и набросать его портрет.

ПОКРОВ ИЗ СТРАНИЦ

НА УЛИЦАХ ПОЧТИ ПОВСЮДУ были развернуты транспаранты. В квартале готовились к демонстрации. В июне 2016 года площадь Бастилии залита солнцем, от лучей которого сверкает фасад Оперы. Внутри, неподалеку от сцены, городской шум, заглушаемый тяжелыми черными гардинами, почти не слышен. Довольно прохладно. Вдруг в полумраке из глубины кулис выплывает какой-то силуэт. Чтобы не оступиться, мужчина, не подозревающий о том, что за ним наблюдают, на секунду снимает темные очки. В его взгляде читается грусть особого свойства. Он направляется туда, где сцена освещена бликами света, падающего со сводов.

Его замечают журналисты, ожидающие более часа. Они расчехляют камеры, размахивают шестами микрофонов, включают прожектора. Мужчина приосанивается, снова надевает очки, затем под градом вспышек фотоаппаратов идет вперед.

Карл Лагерфельд, патриарх моды, дизайнер, сделавший состояние, работая на Дома *Chanel*, *Fendi* и на свою собственную марку, пришел посмотреть репетицию балета Джорджа Баланчина *Брамс-Шенберг Квартет*, костюмы для которого были созданы им по просьбе Бенжамена Милльпье, директора балета Парижской оперы. На нем белая рубашка, черный галстук, приталенный пиджак, а волосы, как обычно, собраны в катоган — хвост, завязанный лентой. Он появляется как видение. Из центра зала он, в окружении ближайших соратников, наблюдает за хореографией. Сидит прямо, не отрывая глаз от танцовщиков и не снимая своих темных очков.

Не проходит и часа, как маэстро вновь поднимается на сцену. Окруженный журналистами, он отвечает на их вопросы. Этой техникой Карл Лагерфельд владеет в совершенстве, и это не просто привычка. В течение нескольких минут звучат его выверенные ответы, как будто в конце одного из его дефиле. У него за спиной виднеется огромное мрачное полотно, написанное им для декорации. На нем изображен замок в ореоле тумана, порожденный впечатлениями от всех тех мест, где ему довелось побывать за долгую жизнь. В этот день на сцене Оперы Бастилии соприкасаются две диаметрально противоположные вселенные: современность иконы моды, слава которой ничуть не меньше, чем слава поп-звезды, и но-

стальгическое воплощение уходящего в прошлое мира. Одно накладывается на другое. Их сближает грусть, грусть во взгляде. За черно-белой «марионеткой», с которой кайзер моды любит сравнивать себя¹, скрывается сложная жизнь, более тонкая и менее однозначная, чем могло бы показаться.

Погружаясь в тень кулис, кутюрье как будто растворяется в пелене своей туманной легенды. Журналисты знают, что они должны выключить камеры, убрать микрофоны. В этой невидимой, неисследованной зоне всегда витает тайна, порой вызывающая страх.

Дизайнер исчезает в глубине салона машины; куда он едет — неизвестно.

Его квартира располагается на Левом берегу, на набережной, с видом на Сену. Как и каждую ночь, исходящее из нее белое сияние могло бы почти осветить реку. Непроницаемые для взора окна никогда не открываются. Проникнуть в тайное убежище невозможно. За старыми камнями стен скрывается берлога площадью более трехсот квадратных метров с ультрамодным дизайном. Как в фильме, вдохновленном Стэнли Кубриком, и мебель в серых, белых и серебристых тонах, и холодильник из нержавеющей стали, наполненный низкокалорийной кока-колой, словно ожидают своего хозяина уже много тысяч лет. Единственный след недавнего пребыва-

ния — кипа листов бумаги, книг и журналов, беспорядочный вид которой нарушает текучие линии футуристического декора. «Это место для того, чтобы поспать, принять ванну и поработать»², — уточняет Карл Лагерфельд. На одном из столов из кориана лежит пара темных очков. Чуть дальше — пара кожаных митенок. «Представьте, как Карл в тишине своей комнаты снимает темные очки, накладной воротничок, развязывает катоган... Что остается? Никто не знает. Он живет в маске. И горе тому, кто захочет сорвать с него эту маску»³, — предупреждает Жани Саме, бывший редактор раздела моды газеты *Figaro*.

У Карла Лагерфельда есть свои привычки.

«Я предпочитаю возвращаться домой вечером, в этом состоит преимущество частных самолетов. Я — честный человек, я не сплю в чужих постелях! Это также из-за Шупет»⁴.

На полу вырисовывается бесформенная тень священной бирманской кошки. Но действительно ли дома ее хозяин сегодня вечером? Кутюрье удался ловкий ход — никогда не быть там, где, по мнению всей планеты, он сейчас находится.

Раскрываются створки из матового стекла, вытянувшиеся вдоль всей стены. За ними виднеется огромная библиотека. Сотни трудов сложены друг на друга, занимая пространство от пола до потолка. Книги — это его жизнь, чтение — это «серьезная болезнь, навязчивая патология»⁵, от которой он не хочет лечиться. Дизайнер, читающий одновременно два десятка книг, — обладатель нескольких библиотек, разбросанных по всему миру, во всяком случае, их столько же, сколько у него домов. Между тем среди трехсот тысяч книг по искусству, фотографии, среди романов, философских сочинений на трех языках есть всего несколько книг, с которыми он не расстанется никогда. Они — фрагменты как пережитой, так и вымышленной истории. Тайная нить связывает *Слова Сартра* и *Обжигающее лето* Эдуарда фон Кайзерлинга со стихами Катрин Поцци. Разгадать эту связь значило бы понять, как создавалась легенда Кайзера, героя романа, написанного в наши дни.

Среди этих книг одной из первых стал роман Бальзака *Беатриса*... В десять лет маленький немецкий мальчик нашел это произведение в библиотеке родительского дома и выразил желание прочитать. Его мать Элизабет возразила, что ему остается только выучить французский. Тогда он выучил французский язык, а потом, разобравшись в этой истории, был заинтригован. «Я вспоминаю Беатрису в ложе, с розо-

вым муслиновым шарфом, скрывающим морщины на ее шее, появившиеся в 32 года. Я сказал матери: “Зачем эта идиотка носит шарф?”»⁶

На прикроватном столике почетное место занимает другое сочинение — *О Германии*. Слова мадам де Сталь вызывают в памяти далекие пейзажи другой страны, другого времени, которые тоже немного принадлежат ему. Прошлое, которое мы так часто необдуманно отмечаем, возможно, не так уж далеко.

В ТИХОМ УГОЛКЕ

Последние лучи холодного солнца проникают через одно из окон большого белого дома. Они подчеркивают резкие охряно-черные тона висящей на стене картины. Речь идет о копии *Круглого стола короля Фридриха II в Сан-Суси* Адольфа фон Менцеля. Произведение было окончено в 1850 году, но на нем изображена сцена, происходившая веком раньше, в сердце Европы эпохи Просвещения: один из самых закрытых людей, каким был король Пруссии, архетип просвещенного деспота, знал толк в том, как устроить в своем дворце в Потсдаме летнюю резиденцию и тайный приют для своих более или менее пикантных развлечений.

Сцена разворачивается в круглой комнате. Свет, проникающий через застекленную дверь, и террасами спускающийся вниз сад создают искусное смешение атмосферы интимной трапезы, которую подчеркивают золотисто-коричневые тона тканей,